

САМЫЙ ТИХИЙ В МИРЕ ФЛОТ

*Где ты сегодня,
Мой бумажный кораблик,
Пущенный в детстве?..*

Павел Черкашин

У девочки был тихий флот. Самый тихий в мире флот.
Нет, не на Тихом океане. А в её комнате под шкафом.

Тихий – потому что бесшумный и даже немножко робкий и стеснительный. Вероятно, характером он пошёл в хозяйку. Руки – продолжение души. Вот и вложила она в него свою большую маленькую душу, любовно складывая кораблики из газеты.

Слово «оригами» на ту пору девочке не встречалось, да и сейчас режет слух и воображение. Должно быть, раскатистое «р» тому виной. Вот, к примеру, в слове «буря» оно очень по делу: всё клокочет, стонет и ревет. Слышите?.. А завывающее в буре «у» послушаем у великого Пушкина в незабвенном «Зимнем вечере»: «Буря мглою небо кроет,/ Вихри снежные крутя...». Услышали? Ну так вот, буря случалась. С незавидным постоянством: раз в неделю. Она налетала внезапно, но строго по субботам, в виде банальной деревянной швабры, облепленной старым мокрым маминым халатом, с которым девочка раньше спала, когда мамы долго и мучительно не было дома по причине хрупкости её здоровья и то ли «язвости», то ли «язвенности», а то ли «язвительности» её желудка (вся эта пугающая медицинская терминологическая беспросветность означала одно: стойкое отсутствие самого дорогого). Да, девочка спала с маминым халатом, чтобы, до головокружения внюхиваясь в него, хоть на шагок приближаться к зыбкой мысли о собственной нужности и пригодности своей маме. Теперь этот когда-то душистый халат выступал в роли половой тряпки и нёс бурю и разрушение. Буря именовалась делово и сухо: влажная уборка. Девочка не могла защитить свою флотилию. Она жутко нервничала, отчего у неё мгновенно потели ладошки, и грызла ногти. «Держитесь, корабли! – отчаянно думала девочка. – Флотик, миленький, потерпи... – одними губами умоляла она его, – и будет тебе чистая вода...» Говорить об этом не полагалось.

И корабли молчали. Они ведь были из газеты. А газеты не разговаривают, пока их не начинают читать люди. А если и говорят, то только чужими голосами. Газеты и корабли роднит тихость и необязательность их существования. В принципе, человечество легко могло бы обойтись и без них: не было бы газет, люди быстрее выдумали бы радио, не было бы кораблей, сразу уселись бы в воздушные шары. Представляете, какой прогресс!.. Как, вы ещё не летали на воздушном шаре?! Это нужно немедленно исправить. Сразу же после завтрака! После бури корабли были снова выстроены в ряд: от мала до велика (только, конечно, наоборот). Как на самом важном параде. Нет, парада кораблей девочка не видела никогда. Даже по телевизору. Зато! Зато она видела его сто миллионов раз в своём воображении, и её парад был реальнее и грандиознее самого настоящего и блестящего парада! Мама иногда ворчала: «Тоже игру затеяла... Ты же девочка! По углам – всякий хлам». Папа о кораблях не знал ничего. Он совсем ничего не знал. Разве может что-то знать о жизни человек, не знающий, что в его родном дверном звонке – между молоточком и барабанчиком – торчит зубная щётка? Торчит нагло и вызывающе. И давно торчит: всё девочкино детство. И совсем не для того, чтобы чистить зубы. А для того, чтоб не орать, когда папа всю дорогу устаёт то от тяжёлой шофёрской работы, то от треклятой водки. Говорить об этом не полагалось.

А между тем навигация была открыта. И флот плыл. В самом деле, не Арктика же под шкафом! Есть, между прочим, и батареи центрального отопления. А если они не спасут, можно и окошко прорубить. Разумеется, о петровских планах девочка не имела ни малейшего представления, иначе её радужную детскую душу распирало бы от восторга и восхищения до тех самых пор, пока бы душа её не лопнула мыльным пузырьком или воздушным шариком... О, тогда бы погибла радуга... а что мир без неё?.. Но думали они с царём Петром Алексеевичем как-то подозрительно в одну сторону... Нет, всё же в разные. Потому что девочка думала хоть и родственно-созвучно, но всё же глобальней. Одним узким окном в Европу ограничиться она уже никак не могла. Она глядела шире – во все свои зелёные глазёнки – в самые синие-пресиние глазищи целого мира.

Вы думаете, ворох старых газет вечно пылился под шкафом? Ничуть! Во-первых, вечность не случилась, как не случается ничего. Во-вторых, это был самый настоящий, самый живой, пусть и тихий (как рыбки в аквариуме), флот! А где он сейчас?.. М-м-м... странный вопрос... Безусловно, тихо плавает в Мировом океане! Он у девочки такой тихий, почти ручной!.. Говорить об этом не полагается. Об этом полагается улыбаться!

СТРАШНО ТАИНСТВЕННЫЙ ДОМ

– Хенде хох!..

Девочка знала, что такой же «хендехох» привёз с войны и её дедушка, braveйший пехотинец, отважный пулемётчик и просто герой. Он чуть не погиб на фронте, защищая бабушку, маму и девочку (ну и что, что мамы и девочки ещё не было на свете, зато они родились потом!). А дедушка, раненный в правое плечо, два раза чуть не умер – на поле

боя и в госпитале – и на всю жизнь остался калекой. Ему дали много блестящих медалей и два раза в году, в феврале и в мае, всю долгую дедушкину жизнь в ржавый скрипучий почтовый ящик с паутинками не забывали опускать поздравительные открытки. Про войну дедушка вспоминать не любил. «А ну её, дитя!..» – в сердцах восклицал он, резко бросая здоровую руку вниз, хмурился и надолго замолкал... Но сейчас девочка не раздумывая предпочла бы знакомому дедушкиному «хендехоху» неведомый и опасный потусторонний мир со всеми его вурдалаками и ведьмаками...

...О, этот страшно таинственный дом! И сколько же раз предупредительные и строгие взрослые внушали, что туда ходить нельзя! Но девочку неизбежно манил к себе Всемогущий Дух Заброшенного Дома. Он разговаривал с ней даже во сне. Он обещал ей то, что представить просто невозможно: мир без взрослых... Когда-то, давным-давно, улыбался этот домишко всей деревенской улице, как и его соседи. И в нём жили, должно быть, такие же улыбочивые люди. Время шло – люди улыбались всё реже и реже. Девочка давно заметила, что умеет улыбаться только маленький человек. А большой – сердится на маленького и постоянно грозит сдать его в милицию (мама всё время делала именно так и не сдала лишь потому, что в будни с утра до вечера работала, а по воскресеньям дверь в милиции заперта – выходной). А когда человек перестаёт улыбаться, он совсем скоро умирает. И больше всего на свете девочка боялась потерять маму. Поэтому на её рисунках мама была весёлой и улыбочивой и всегда с цветами, которых никогда не дарил ей папа... Вот и те люди однажды умерли, потому что забыли, как улыбаются. Дом без людей сразу заболел. В нём поселились бродячие собаки, коты и вездесущие крысы. А потом он начал медленно умирать. Дом без людей всегда умирает. Прогнил пол, обвалился потолок, рухнули стены. И везде выросли цветы: вокруг дома, в доме и на крыше. Казалось, ты находишься в самом центре земли и немножечко под ней. А тишина и полумрак ещё более усиливали ощущение нездешности и таинственности. И не было страшно в этом одиноком саду с печальными цветами. А вокруг стояли и лежали шкафы и шкафчики с полочками и с выдвижными ящичками, забитые сокровищами... Девочка тотчас же увидела коралловый дворец морского царя, отца её любимой русалочки, «дворец с большими остроконечными окнами из чистейшего янтаря и с крышей из раковин, которые то открываются, то закрываются, смотря по приливу и отливу...». Только у царя – безделицы да камня разноцветные, а тут – вся жизненная необходимость: треснутое зеркальце, тубик с вымазанной красной помадой, баночка с буро-розовым порошком, отдалённо напоминающим пудру, коробочка без крышки с чем-то вроде зелёных теней, коричневый гребешок с тремя зубьями, шпилька для волос, сломанная игла, две вилки, изогнутая ложка, помятый черпак, кусок тарелки, чашка с выщербленными краями, ржавый утюг с разинутой пастью, разбитая керосиновая лампа, замшелый сапог гармошкой, пара женских туфель с задранными носами и с одним каблучком, грязно-серое лохматое изорванное платье и метла без ручки... Всемогущий Дух девочку не обманул. Здесь у неё был ворох дел – много больше маминого вороха. Во-первых, нужно было подмести пол (ну и пусть себе земляной!) и

вытереть пыль. Во-вторых, наколоть дров, затопить печь и принести из колодца воды. В-третьих, приготовить ужин и накормить семью. В-четвёртых, вымыть грязную посуду. И, в самых раскрепасных пятах, напудриться, накрасить глаза и губы и примерить туфли и платье. Всё шло не спеша и своим чередом. Бытовая рутина утомляла девочку, но впереди маячили обещанные Всемогущим Духом красные губы, припудренный носик, зелёные глаза, туфли на одном, но высоком каблуке и белое бальное платье. И ещё он клялся показать мир без взрослых. Дух не мог обмануть. Духи никогда не обманывают детей...

– Хенде хох! – гроыхнуло вдруг у самого девочкиного уха.

Страшней было только один раз, когда её чуть не убило электрическим током... «Крови должно быть много!.. озеро!.. или очень большая лужа», – твердил ей Всемогущий Дух, и она всё больше и больше расковыривала уже заживающую коленку. Больно было только чуть-чуть. Сильная, она умела терпеть. «А было ли больно барону Мюнхгаузену, когда он, схватив себя за косичку, тащил из болота и себя, и своего коня?» – вспоминала девочка. Известное всему миру «спасение утопающих – дело рук самих утопающих» ей было неизвестно, а Всемогущий Дух об этом молчал, но она выбрала верный путь, семиминутную дорогу до дому растягивая в полчаса. «Это тебе не вокруг печки бегать от бабушки!..» – дырявила себе голову девочка... Это был веселый бег по круту от доведённой до крайности старой добродушной бабушки, всю жизнь себе под нос бормотавшей «дзеткіхайвасбоглюбіць», в бессилии хватавшей любую мимо пробегающую тряпку и махавшей ею не столько ради устрашения тех, кого по её просьбе без всяких условий должен любить Бог, сколько в знак пленения её маленькими бестиями, которых в худшие времена в дом набивалось до пяти человек, в лучшие – только трое. И тряпка вполне сходила за флаг. Иногда она даже была белой (в цвет белого флага, означавшего полную и безоговорочную бабушкину капитуляцию: на войне как на войне)... А маленьких бестий Бог любил. Потому что о них молились старые добрые бабушкины ангелы, живущие в её светёлке на божничке... «...и не бабочек в книжках засушивать!.. не стрекоз булавками к стенке прищипливать!.. ответишь за всё!..» – брнчало в детской голове. «Крови должно быть много...» – зудел где-то рядом Всемогущий Дух. Девочка готова была лишиться голоса или расплыться лёгкой морской пеной, как милая, милая русалочка. Лишь одно их разнило: девочке пока не встретился прекрасный принц с большими чёрными глазами, потому что ей не исполнилось пятнадцати...

Ничего не могло разжалобить грозного дедушку, всю весну и лето насмерть ухлопывавшего шустрых залётных воробушков, имевших скверную привычку подворовывать зерно у домашней птицы. Эта шумная пёстрая ленивая птичья толпа будто вывалилась прямо из книжки Андерсена «Гадкий утёнок» (почему именно сюда?), и птичий двор с его несносными нравами и противными зелёными лужицами на осклизлых дорожках был тот же. Девочка отлично знала происхождение лужиц и методы борьбы с ними: когда из-под чьего-либо хвоста вылетала такая «лужица», нужно было хвататься за почти неуправляемую метлу выше собственного роста, туго связанную из толстых прутьев, и немедленно уничтожать лужицу. И как-то так складывалось, что гадким утёнком на этом птичьем дворе, вероятнее

всего, была уничтожительница луж, то есть сама девочка... А воробушки слыли мелкими ворюшками. И воробьиная смерть была поставлена дедушкой на поток: на крыши многочисленных маленьких сарайчиков, где дружными семейками жили куры, гуси, индюки, утки, овцы и свиньи, водружались «плахи» в виде мышеловок, присыпанных зерном. Девочка не знала, успевал ли обречённый воробушек сглотнуть хотя бы зёрнышко, но мышеловка всякий раз хлопала звонко и радостно. Будто в ладоши... Потом казнённые окровавленные птички ещё долго валялись в самых неожиданных местах. Вероятно, деревенские коты припрятавали свою добычу, а после забывали о ней: то ли убитые воробьи были невкусными, то ли живые мыши были аппетитней мёртвых птиц...

Когда девочка почти по-черепашьи подползла к дому, из коленки струился тоненький красный ручеёк. Уже у самого порога ей почудился родной голос.

– Ма-а-а-ма-а-а!.. мамочка!.. приехала!.. – завопила она от счастья.

– Горе ты моё... опять коленку расквасила... – улыбнулась мама.